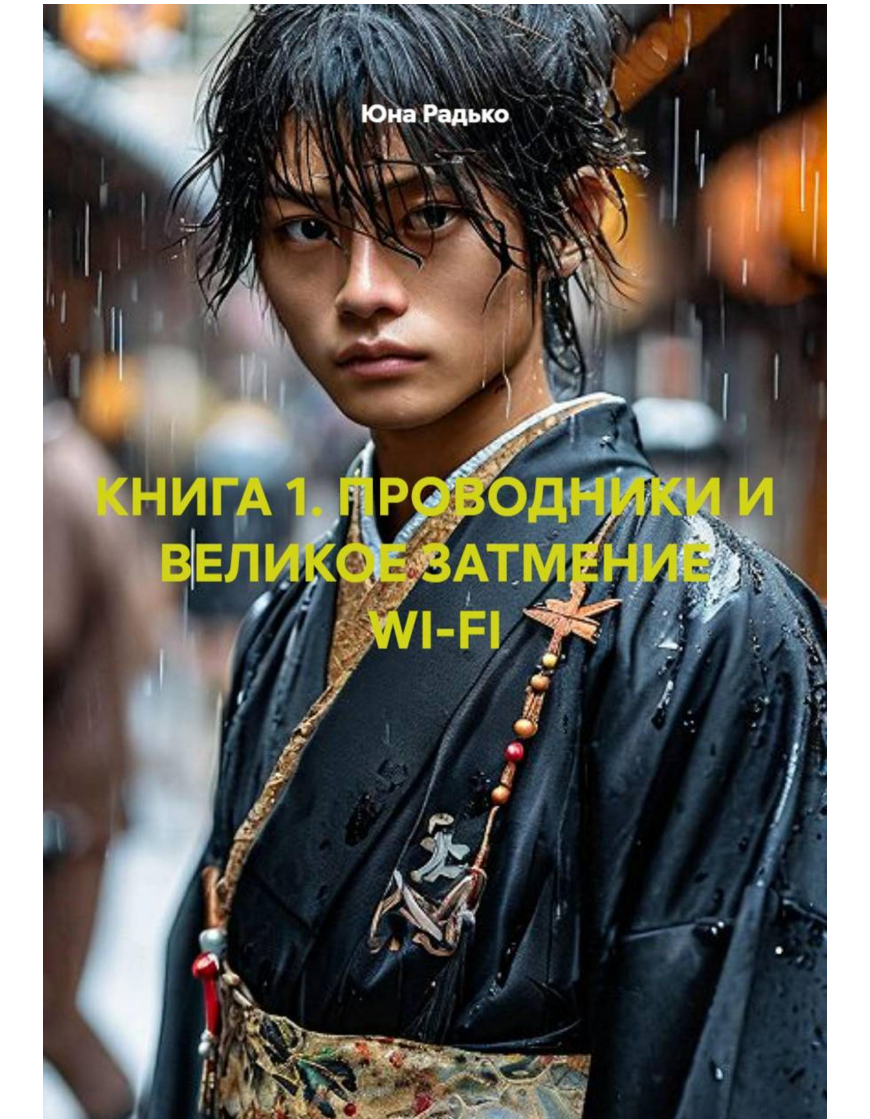

Юна Радько

**КНИГА 1. ПРОВОДНИКИ И
ВЕЛИКОЕ ЗАТМЕНИЕ
WI-FI**

Юна Радько

КНИГА 1. ПРОВОДНИКИ И ВЕЛИКОЕ ЗАТМЕНИЕ WI-FI

<https://litres.ru/74361857>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он просто хотел пережить первый день в новой школе.

Вместо этого он принёс с собой дождь.

Казуки Такахаша — полукровка, сын японского дипломата и русской переводчицы. Он привык быть чужим везде: в Токио слишком русский, в Москве слишком японец. А ещё над его головой уже полгода висит маленькая серая туча, которая поливает его дождём в самый неподходящий момент.

Врачи разводят руками. Священники крестятся. Только странная девушка по имени Яра с первого взгляда понимает, что происходит: в Казуки вселился забытый бог дождя. И он в глубокой депрессии.

Добро пожаловать в мир, где японские боги говорят по-русски с рязанским акцентом, а ведьмы в шестом поколении проклинают лис за предательство. Здесь магия не знает границ, а дружба начинается с маленькой радуги над головой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юна Радько

КНИГА 1. ПРОВОДНИКИ И ВЕЛИКОЕ ЗАТМЕНИЕ WI-FI

Глава 1

Тучка над головой

Казуки Такахаша точно знал, что первый день в новой школе будет катастрофой. Он просто не знал, что катастрофа начнется с синоптического прогноза в отдельно взятой его голове.

Когда он вышел из метро на станции «Алексеевская», небо над городом было безупречно голубым. Сентябрьское солнце играло на лужах. Но над головой Казуки на высоте примерно полутора метров висела маленькая, размером со школьный рюкзак, серая туча. Из нее моросил противный, мелкий дождик.

Люди оборачивались. Мама с коляской проехала мимо и уставилась на него с таким видом, будто он сбежал из научной лаборатории. Парень с самокатом громко спросил у друга: «Это че, реклама какая-то?». Казуки прибавил шаг, по-

правил очки и в сотый раз прошептал: — Пожалуйста, прекрати. Пожалуйста. Тучка всхлипнула и закапала сильнее.

Это началось полгода назад в Токио. Сначала это было даже забавно — маленький личный дождик, который поливал только его. Мама водила его к врачам, потом к священникам, потом к каким-то бабушкам, которые курили трубки и говорили загадками. Никто не мог объяснить, почему над сыном японского дипломата и русской переводчицы идет дождь. Одна бабушка сказала: «Это в нем боженька плачет». Казуки тогда подумал, что это просто старческий фольклор. Теперь, въезжая в Россию, он начал подозревать, что бабушка была права.

Школа 42 встретила его запахом щей, свежей краски и всеобщей подростковой тревоги. Старое здание с колоннами, облезшей штукатуркой и странными темными пятнами на потолке, которые, как показалось Казуки, слегка шевелились. Он списал это на усталость.

В вестибюле его встретил завуч — сухая женщина с пучком на голове, похожая на цаплю. Она посмотрела на его мокрые волосы, на сухой пол вокруг него и на мокрое пятно строго под его ногами. — Такахаши? — спросила она таким тоном, будто он был не новым учеником, а как минимум международным террористом. — Д-да, — Казуки поклонился по привычке, забыв, что в России это не принято. — Класс 11-Б, второй этаж, — отчеканила цапля. — И пожалуйста, вытрите за собой.

Казуки прошел по коридору, оставляя за собой мокрые следы. Уборщица с ведром, увидев это, перекрестилась и что-то зашептала. Казуки разобрал только слово «бесовщина».

В классе его появление вызвало фурор. Точнее, появление его тучки. Он зашел, и над головой у него забарабанил уже не мелкий дождь, а самый настоящий ливень — тучка нервничала вместе с ним. — О, смотрите, у нас метеостанция приехала! — заорал с задней парты лохматый парень в спортивном костюме. — Эй, япона мать, ты че, мокрый весь? Ты потный, что ли? Класс заржал.

Казуки нашел глазами пустую парту у окна и сел, чувствуя, как горят щеки. Очки запотели. Тучка над ним, казалось, стала еще темнее, а дождь — холоднее.

И тут случилось странное. Высокая девушка с пепельными волосами, сидевшая через проход, резко обернулась. У нее были тяжелые серые глаза и такой вид, будто она смотрела на что-то невероятно мерзкое, но забавное. Оглядела его с ног до головы, задержала взгляд на туче и внезапно ухмыльнулась. — О, — сказала она, и ее голос прозвучал как хруст льдинок в стакане. — К нам что, *Амэфури-сама* пожаловал? Или ты просто так мокнешь, как неприкаянная *юки-онна*?

Казуки замер. Она говорила о духах? Вслух? В русской школе?!

Девушка поднялась с места, подошла к его парте и пригнулась. Буквально. Наклонилась к его макушке и втянула

воздух. — Так и знала, — констатировала она. — Не просто дух. Ты, парень, ходячий храм. В тебе бог сидит. Причем, судя по запаху озона и мокрой шерсти, какой-то депрессивный. Ты что, с утра грустную песню слушал? Он от такого крепчает.

Лохматый парень с задней парты снова загоготал: «Че, Яра, ты с новеньким уже наколдовалась?».

Яра не обратила на него никакого внимания. Она смотрела прямо в глаза Казуки. Взгляд был не злой, а... устало-изучающий. Как у ветеринара, который смотрит на кота с явным переломом. — Меня зовут Яра, — сказала она тихо, так, чтобы слышал только он. — И ты, мокрый гость с востока, даже не представляешь, в какой цирк попал. На большой перемене. В столовой. У колонны с облезлым единорогом. Поговорим о твоих проблемах с потопом. И если ты сейчас скажешь, что это просто кондиционер, я за себя не ручаюсь.

Она резко развернулась и пошла на свое место, бросив через плечо: — И зонтик себе купи. А то выглядишь как идиот.

Казуки сидел, не в силах пошевелиться. Сердце колотилось где-то в горле. Она знала, что это такое? И что еще за облезлый единорог в столовой?

В этот момент из его рюкзака, который стоял на полу, раздалось приглушенное и крайне недовольное ворчание с отчетливым рязанским акцентом: — Ну чё, Казуки-сан, приплыли? Я ж тебе говорил — не суйся на север, тут свои боги и свои дураки. Эта девка, кстати, ведьма. Седьмое колено.

У них бабка на медведе ездилa и проклинала японских лис.
Готовься, щa начнется...

Казуки тихо застонал и уронил голову на парту. Тучка над ним печально полила его дождем, будто соглашаясь.

Так начался его первый день в школе.

Глава 2

Ведьма за партой

Утро Яры началось с того, что чайник отказался закипать.

— Ты, жестянка плешивая, — ласково сказала она, постулав ногтем по его блестящему боку. — Если ты сейчас не включишься, я тебя бабке отдам. Будешь у нее на самогоне работать, понял? Там нагрев знаешь какой? До третьей степени ожога.

Чайник всхлипнул нагревательным элементом и послушно загудел. Яра усмехнулась. Старая техника в этом доме понимала только два режима общения: мат и угрозу физической расправы. Бабушка говорила, что это потому, что все электрические приборы в России сделаны из переплавленных танков и у нее душа военная. Яра подозревала, что дело просто в качестве проводки, но спорить не стала.

Кухня была маленькой, захламленной, но уютной. На подоконнике в горшке с геранью жил леший Трофим — он имел вид сморщенного зеленого человечка размером с мизинец и питался исключительно чайной заваркой и дурными новостями. Сегодня он выглядел особенно взволнованным и бегал кругами по земле, оставляя крошечные следы.

— Чего мельтешишь? — спросила Яра, насыпая в кружку растворимый кофе. — Опять соседский кот на тебя покушался?

Трофим запищал что-то неразборчивое и начал показывать крошечными ручками на восток. Яра проследила за его жестом и нахмурилась.

— Там школа, дубина ты лесная. А не вражеская орда.

Но леший не унимался. Он схватил кусочек сухого листика, нацарапал на нем что-то похожее на иероглиф и с поклоном протянул Яре. Она поднесла листик к глазам. Это был не иероглиф. Это был схематичный рисунок тучи, из которой шел дождь, и маленькой фигурки человечка, стоящего под ней с зонтиком.

И тут Яра вспомнила.

Вчерашний новенький. Высокий, взъерошенный, в запотевших очках. И тучка над его головой, которая, мать ее, поливала его дождем. Она тогда сразу почуяла запах — запах озона, сырой шерсти и чего-то еще, древнего и чужого. Не дух. Не ёкай. Что-то повыше рангом.

— Божество, — сказала она вслух, и чайник в ужасе выключился, не дождавшись команды. — В нем сидит божество. Какое-то мелкое, мокрое и, судя по виду парня, хронически несчастное.

Трофим издал победный писк и рухнул в обморок от перенапряжения. Яра залпом допила кофе, обжигая язык, и начала одеваться. День обещал быть... интересным.

Школа встретила ее привычным гулом, запахом мела и потом после занятий физкультурой. Яра шла по коридору, рассеянно отмечая знакомые «пятна» на стенах. Вот здесь в

прошлом году отличница Лена рыдала из-за тройки по физике — до сих пор осталось серое марево печали, которое подъедал мелкий бес-унынец. Вот здесь физрук орал на десятиклассников — гневное красное облако, уже почти выдохшееся. В углу спортзала всё ещё виднелась прошлогодняя «радуга поцелуя» — словно застывшее эхо того дня. Тогда десятиклассница поспорила с одноклассником, уверяя, что он ни за что не решится её поцеловать. Спор она проиграла: он всё-таки поцеловал её — и этот миг будто отпечатался на стене, напоминая о смущении, волнении и той самой искре, что вспыхнула между ними. Красивое, кстати, пятно, переливалось всеми цветами смущения.

Яра вошла в класс и сразу увидела их. Три «паутинки» над пустующей партой в дальнем углу. Тонкие, почти невидимые нити серой тоски, которые плел маленький паучок-*тоскун*. Это была русская нечисть, безобидная, но противная. Он сидел там, где кто-то долго и безнадежно грустил. Яра присмотрелась. Парта была пуста, но на ней кто-то выцарапал: «Меня здесь не было».

— Понятно, — пробормотала она. — Очередной невидимка.

В каждой школе был такой ученик. Тот, кого никто не замечал. Тот, кто сидел тихо, отвечал шепотом и исчезал сразу после звонка. И на его месте всегда плели свои сети *тоскуньи*.

Яра подошла к парте, сделала вид, что поправляет волосы,

и быстро начертила пальцем на столешнице знак «разрыва». *Тоскун* возмущенно зажужжал, но подчинился — паутинки лопнули и осыпались серой пылью. Парта на пару дней будет чистой. А потом он придет снова. Потому что ученик, сидящий здесь, придет снова. И будет снова грустить.

— Ветрова, ты чего у окна трешься? — раздался гнусавый голос отличницы Кругловой. — Место себе присматриваешь? Так твое вон, у доски, чтоб учителя тебя видели и не боялись, что ты там колдуешь.

— Завидууй молча, Круглова, — отрезала Яра. — У меня хотя бы колдовство есть. А у тебя только репетиторы.

Класс заржал. Круглова фыркнула и уткнулась в учебник. Яра пошла к своему месту, но по дороге замерла.

В класс вошел он.

Новенький японец. Казуки-как-его-там. Вид у него был такой, будто он не выспался, всю ночь плакал, а потом упал лицом в лужу. Над его головой висела все та же тучка, только теперь она казалась чуть темнее и как будто нервно подрагивала.

И запах. Теперь, вблизи, Яра почувствовала его отчетливее. Это был запах не просто дождя. Это был запах святилища. Запах старых камней, мокрого мха, ритуальных благовоний и... слез. Много-много слез.

— Вот дерьмо, — прошептала Яра. — Это реально божеество. Дождя. И оно, кажется, в депрессии.

Она наблюдала за ним весь первый урок. Казуки сидел,

сгорбившись, и пытался спрятаться за учебником. Тучка над ним то сжималась до размеров кулака, то распухала, как грозовая туча. Когда учительница спросила его о чем-то, и он, запинаясь, начал отвечать по-русски с акцентом, тучка пролилась мелким дождем прямо ему на тетрадь. Класс заржал. Кто-то крикнул: «Человек-душ!». Кто-то кинул в него скомканной бумажкой.

Яра смотрела на это и чувствовала, как внутри закипает раздражение. Не на одноклассников — на него. На этого мокрого, несчастного, нелепого парня, который сидел с божеством в душе и даже не понимал, что с этим делать.

«Шпион, — подумала она мрачно. — Точно шпион. Прислали из Японии, чтобы разведать, что у нас тут с духами. И выбрали самого безобидного на вид. Умно. Никто не заподозрит».

На большой перемене она проследила за ним. Он не пошел в столовую. Он вообще, кажется, никуда не хотел идти — просто брёл по коридору, опустив голову. Когда он свернул к лестнице, ведущей в подвал, Яра ухмыльнулась и двинулась за ним. Подвал — её территория.

В школьном подвале пахло сыростью, старыми учебниками и чем-то кислым. Где-то капала вода. Тусклая лампочка под потолком мигала, создавая ощущение дешевого хоррора. Казуки стоял посреди помещения и смотрел на старый, пыльный глобус, как будто пытался найти на нем ответ на какой-то очень важный вопрос.

— Итак, — сказала Яра, выходя из тени. — Давай поговорим, мокрый гость с востока.

Казуки вздрогнул и резко обернулся. Очки съехали набок. Тучка над ним испуганно полила его дождем.

— В-вы? — пробормотал он. — Та девушка из класса...

— Яра, — перебила она. — Меня зовут Яра. И я ведьма в седьмом поколении. А ты — камигакари. Сосуд. В тебе сидит божество. И я хочу знать, какого черта японский бог делает в моей школе.

Казуки побледнел так, что стал почти прозрачным.

— Откуда вы знаете?

— У меня глаза есть, — Яра скрестила руки на груди. — И нюх. От тебя разит святилищем за версту. Так что колись, шпион. Кто тебя послал? Император? Какая-нибудь тайная организация *оммёдзи*? Или ты сам по себе, пришел разведать, чем дышит русская нечисть?

— Я не шпион! — выпалил Казуки. — Я просто... я школьник! Я приехал сюда с отцом, он дипломат! Я не знаю, что такое *оммёдзи*! Я не знаю, почему во мне сидит бог! Я вообще ничего не знаю!

Он почти кричал. Тучка над ним раздулась до размеров баскетбольного мяча и начала метать маленькие молнии. Одна из них попала в глобус, и тот начал медленно вращаться, издавая скрип.

Яра смотрела на него. В его глазах был настоящий, животный ужас. И что-то еще. Что-то очень знакомое. Она видела

такое выражение в зеркале. Много раз.

«Он не врет, — поняла она внезапно. — Или врет, но не совсем. Он правда не понимает, что с ним происходит».

— Ладно, — сказала она чуть мягче. — Допустим, ты не шпион. Допустим, ты просто... жертва обстоятельств. Но это не отменяет того факта, что ты — ходячая бомба. Ты хоть знаешь, кто в тебе сидит?

Казуки помотал головой.

— Мне только снится... старик. С зонтиком. Он все время плачет.

— Амэфури-сама, — сказала Яра. — Бог дождя. Мелкий, забытый, почти никто ему уже не молится. И он, кажется, в глубокой депрессии. Поздравляю, Такахаша, ты — храм для бога-неудачника.

Она думала, он расстроится. Но он вдруг поднял голову и посмотрел на нее с какой-то странной, робкой надеждой.

— Вы... вы знаете о нем? Вы можете помочь?

— Я ничего тебе не обещаю, — отрезала Яра. — Но если ты останешься в этой школе, твоя тучка рано или поздно устроит потоп. А мне здесь еще ЕГЭ сдавать. Так что я, так уж и быть, за тобой присмотрю. Но учти: одно неверное движение, и я расскажу бабушке. А она у меня в 90-х прокляла целый род *кицунэ*. И, поверь, до сих пор об этом не жалеет.

Казуки судорожно кивнул.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо вам большое.

— Не «вы», а «ты», — поправила Яра. — Мы вроде как

теперь в одной лодке. Идем, я покажу тебе кое-что.

— Куда?

— В Клуб аномальной истории, — она мрачно усмехнулась. — Или, как мы его называем между собой, в Клуб Ненормальных.

Она развернулась и пошла к выходу из подвала. Казуки поспешил за ней, спотыкаясь о трубы.

— А кто еще в этом клубе? — спросил он.

— Увидишь. Витёк — он у нас гений-недоучка, верит, что магию можно измерить осциллографом. Соня — тихая девочка, которая рисует духов. Марат — молчаливый громила с татарскими оберегами. Ну и я.

— И вы все... видите духов?

— Ага, — Яра толкнула дверь, ведущую на первый этаж. — И поверь, Такахаша, то, что у тебя над головой, — это еще цветочки. Ты вообще не представляешь, какой зоопарк творится в этой школе.

Она шагнула в коридор и тут же наткнулась на завуча. Цапля смерила ее подозрительным взглядом.

— Ветрова? Что ты делала в подвале?

— Готовилась к олимпиаде по географии, — не моргнув глазом, ответила Яра. — Там отличный глобус.

Завуч хотела что-то сказать, но тут из подвала выглянул Казуки — мокрый, взъерошенный, с прилипшими ко лбу волосами и испуганным взглядом. Цапля перевела взгляд с него на Яру, и на ее лице отразилась сложная работа мысли.

— Это... не то, что вы подумали, — быстро сказал Казуки.

— Нам очень жаль, — добавила Яра с каменным лицом.

— Мы уже уходим.

И она потащила Казуки за собой по коридору, оставляя за собой мокрые следы и совершенно сбитуую с толку завуча.

— Она теперь думает, что мы там целовались, — прошипел Казуки.

— Пусть думает, — отмахнулась Яра. — Это лучше, чем если она узнает, что мы общались с духами. Поверь моему опыту: репутация распутной ведьмы в этой школе гораздо безопаснее, чем репутация настоящей.

Они дошли до двери с табличкой «Клуб аномальной истории». Из-за двери доносился странный гул, похожий на работу трансформатора, и чей-то восторженный крик: «Оно работает! Оно работает! Ой, нет, оно горит!».

Яра вздохнула и взялась за ручку.

— Добро пожаловать в команду, Такахаши. И пожалуйста, постарайся, чтобы твоя тучка ничего здесь не закоротила. У нас и так проблем хватает.

Она открыла дверь, и Казуки шагнул внутрь.

То, что он там увидел, заставило его забыть и о депрессивном боге в душе, и о ведьме с тяжелым взглядом, и о буллинге в школе. Потому что такого он не видел даже в самых странных аниме.

А Яра, закрывая за ним дверь, вдруг подумала, что Трофим, наверное, был прав. Что-то надвигалось. Что-то боль-

шое и мокрое. И этот парень был только началом.

Глава 3

Клуб ненормальных

Дверь с табличкой «Клуб аномальной истории» выглядела так, будто ее не открывали со времен распада Советского Союза. Краска облупилась, ручка болталась, а сама табличка висела на одном шурупе и грозилась упасть при любом сквозняке. Но Яра толкнула дверь с такой уверенностью, словно это были врата в параллельную вселенную. Что, в общем-то, было недалеко от истины.

— Заходи, — бросила она через плечо. — И голову пригни.

Казуки не успел спросить зачем, и тут же получил по лбу низко висящим выключателем. Тучка над ним возмущенно плеснула дождем.

— Я же сказала, — вздохнула Яра.

Помещение, которое открылось его взгляду, меньше всего напоминало школьный клуб. Это была смесь мастерской безумного изобретателя, храма забытых богов и комнаты подростка, который не убирался примерно никогда. Вдоль стен громоздились стеллажи с книгами, банками и какими-то мигающими приборами. На потолке висела гирлянда из новогодних лампочек, которые горели даже в сентябре, потому что питались, кажется, от магии, а не от розетки. В углу стоял старый диван с пружинами наружу, на котором

лежала стопка журналов «Юный техник» за 1987 год и одинокая подушка в виде покемона Пикачу. Посреди всего этого хаоса возвышался стол, заваленный микросхемами, проводами и пустыми банками из-под энергетиков. А за столом сидели трое.

— О! — воскликнул рыжий парень с нимбом из всклокоченных волос и веснушками на все лицо. — Яра привела новенького! Того самого, с тучкой!

— Витёк, — представила Яра. — Наш технический гений. Верит, что любую магию можно оцифровать, измерить и взломать. Иногда даже получается.

— Привет! — Витёк вскочил и, перепрыгнув через стул, подлетел к Казуки. — Дай посмотреть! Это она? Туча? Настоящая? А она молнии бьет? А вольтаж какой? А частоту дождя можно настроить? А если ее заземлить, она исчезнет? А если...

— Витёк, — перебила Яра, — он не экспонат. Дай человеку войти.

Но Витёк уже схватил со стола какой-то прибор, похожий на помесь термометра и игровой приставки, и начал водить им вокруг головы Казуки. Прибор издавал странные звуки: то пищал, то хрюкал, то играл первые ноты песни «Катюша».

— Так-так-так, — бормотал Витёк, глядя на мигающий экран. — Электромагнитное поле зашкаливает! Уровень влажности — как в бане! А это что за показатель? «Эмоциональный фон»? Минус тридцать семь? Чувак, у тебя туча

в депрессии!

— Я знаю, — тихо ответил Казуки. — Она все время плачет.

Витёк на секунду замер, потом отложил прибор и посмотрел на тучу с уважением.

— Уважаю, — сказал он серьезно. — Я тоже плачу. В основном когда дедлайны.

Из-за стола поднялся второй. Высокий, широкоплечий, с коротким ежиком темных волос и шрамом на брови. Он был одет в спортивный костюм, но двигался с какой-то странной, почти кошачьей плавностью. Казуки сразу понял, что этот парень может быть очень опасным, если захочет.

— Марат, — коротко сказал он.

И ничего больше. Ни приветствия, ни вопроса. Просто имя.

— Он у нас за физическую защиту, — пояснила Яра. — И за молчание. В основном за молчание.

Марат обошел Казуки по кругу, внимательно оглядел тучу, потом перевел взгляд на дверь. Затем он подошел к порогу, присел на корточки и что-то быстро начертил мелом на полу — какой-то сложный геометрический узор, похожий на сплетенные полумесяцы и звезды. Узор на секунду вспыхнул серебристым светом и погас.

— Щит, — сказала Яра в ответ на вопросительный взгляд Казуки. — Татарские обереги. Теперь нас никто не подслушает. Даже духи. Особенно духи.

— А что, духи подслушивают? — спросил Казуки, чувствуя, как мурашки бегут по спине.

— Еще как, — ответила Яра. — Особенно школьные. У них тут своя разведка. Но Марат свое дело знает. У него бабушка — хранительница рода. Татарская магия вообще на защите помешана. Так что здесь мы в безопасности.

Третий член клуба — точнее, третья — сидела в углу на диване и что-то рисовала в большом скетчбуке. У нее были длинные иссиня-черные волосы, заплетенные в тугую косу, и огромные карие глаза, которые смотрели на мир с каким-то удивительным спокойствием. Она казалась младше всех, но Казуки чувствовал, что эта девочка понимает гораздо больше, чем говорит.

— Соня, — представилась она тихо, не отрываясь от рисунка. — Я сенситив. Я не вижу духов так, как Яра, но я их... чувствую. И могу понять, что они хотят.

— И что сейчас говорит моя туча? — спросил Казуки с нервной усмешкой.

Соня наконец подняла глаза, посмотрела на тучу, потом на свой рисунок, потом снова на тучу. Затем она повернула скетчбук так, чтобы всем было видно. Там была нарисована та самая туча — маленькая, серая, с неровными краями. Но у нее было лицо. Грустное-грустное лицо с большими глазами, из которых капали слезы-дождевики. И руки. Тонкие, дрожащие руки, которые тянулись куда-то вниз, как будто хотели кого-то обнять.

— Она просто хочет дружить, — сказала Соня. — Она очень одинокая. Ее давно никто не замечал. Ей страшно. И ей кажется, что она всем мешает.

В комнате повисла тишина. Даже Витёк перестал возиться с приборами. Казуки смотрел на рисунок и чувствовал, как что-то в груди сжимается. Тучка над ним тихо всхлипнула и выпустила маленькую, едва заметную радугу.

— Ого! — воскликнул Витёк. — Радуга! Она умеет раду-гу! Это же оптическое явление! Это дифракция света в каплях воды! То есть... ну, магия, да. Но круто!

— Заткнись, Витёк, — беззлобно сказала Яра, но в ее голосе не было обычной резкости. Она смотрела на тучу с каким-то странным выражением. — Значит, не просто божество. Еще и с эмоциональным багажом. Ну, Такахаши, ты и подарочек.

— Я не просил этого, — тихо ответил Казуки. — Я вообще не знал, что боги существуют. Я думал, это просто... ну, что-то вроде аллергии. Или хронической простуды.

— Хроническая простуда? — Витёк заржал. — Чувак, у тебя в душе сидит божество дождя, а ты думал, что это насморк?! Это лучшая самодиагностика в истории!

Марат, который все это время стоял у двери со скрещенными на груди руками, вдруг подал голос. Голос у него оказался низким, с легким акцентом.

— Это не просто божество, — сказал он. — Это забытое божество. Таких много. Их перестали почитать, и они уходят

в людей. Ищут тех, кто сможет их... услышать. Твой бог, он выбрал тебя. Это не случайно.

Казуки растерянно моргнул.

— Выбрал? Почему? Я даже не японец наполовину! Я полукровка! Я даже по-японски с акцентом говорю!

— Может, поэтому, — тихо сказала Соня. — Может, он тоже чувствует себя... полукровкой. Нигде не чувствую себя своим.

Тучка над Казуки снова всхлипнула, но на этот раз из нее не пошел дождь. Вместо этого она чуть-чуть уменьшилась в размерах и стала светлее. Как будто ей стало чуть легче.

— Ладно, — Яра хлопнула в ладоши, разряжая обстановку. — Хватит лирики. У нас тут не группа психологической поддержки, а оперативный штаб. Такахаша, добро пожаловать в Клуб аномальной истории. Он же — Клуб Ненормальных. Он же — Проводники.

— Проводники? — переспросил Казуки.

— Ну да. Мы проводим духов туда, куда им надо. Или отсюда, откуда им не надо. Или просто проводим с ними воспитательные беседы. Знаешь, сколько в этой школе неучтенной нечисти? Вот я тебе сейчас покажу.

Она подошла к большой пробковой доске, висевшей на стене. Доска была утыкана стикерами, фотографиями, какими-то схемами и разноцветными нитками, которые тянулись от одного стикера к другому. Издалека это напоминало карту заговора из плохого детектива. Вблизи — карту заговора

из очень хорошего.

— Смотри, — Яра ткнула пальцем в красный стикер с надписью «Столовая». — Здесь у нас живет Обжора. Это такой мелкий дух, который питается голодом. Когда кто-то сидит на диете или не успел поесть, он к нему подсаживается и начинает нашептывать: «Съешь печенюку, съешь пирожок, ну что тебе будет». Не опасный, но надоедливый. Мы его терпим, потому что он дружит с поварами и подсказывает им, когда подгорает каша.

Она передвинула палец на синий стикер с надписью «Спортзал».

— Тут у нас Духота. В прямом смысле. Дух нехватки кислорода. Поселяется в тех, кто слишком усердно занимается физкультурой. Из-за него люди падают в обморок на кроссе. Марат с ним раз в месяц борется.

Марат кивнул и, кажется, чуть помрачнел.

— А вот это, — Яра ткнула в черный стикер с надписью «Кабинет химии», — наша головная боль. Там завелся Химик. Дух неудачного эксперимента. Он портит реактивы, взрывает пробирки и рисует на доске пентаграммы мелом. Химичка думает, что это мы хулиганим. А это он.

— И вы с ним не справляетесь? — спросил Казуки.

— Пытаемся. Но он хитрый. Прячется в таблице Менделеева. Витёк думает, что его можно выкурить ультразвуком. Я думаю, что нужен заговор на изгнание. Бабушка говорит, что таких духов только веником гонять, но бабушка у меня

вообще радикальных методов.

— И тут появляешься ты, — Витёк театрально указал на Казуки. — С божеством в душе и личной тучей! Может, ты сможешь его просто... намочить? Духи не любят сырость! Кроме водяных, конечно. И русалок. И...

— Витёк, — перебила Яра, — ты опять.

— Что? Это научный подход! Гипотеза, эксперимент, результат!

Пока они препирались, Соня тихо подошла к Казуки и встала рядом с ним. Она была маленькой — едва доставала ему до плеча.

— Ты боишься, — сказала она негромко. — Это нормально. Я тоже боялась, когда узнала. Но здесь, — она обвела глазами комнату, — тебя никто не обидит. Мы все немножко... странные. И это нормально.

Казуки посмотрел на нее. На Витьку, который уже размахивал каким-то новым прибором, похожим на фен с антенной. На Марата, который молча стоял у двери, но в его молчании не было угрозы — только спокойная, уверенная защита. На Яру, которая ворчала и язвила, но при этом первая заметила его, первая поняла, что с ним происходит, и первая предложила помощь, пусть и в своей особой манере. И на тучку над своей головой, которая больше не казалась проклятием. Может быть, она и правда просто хотела дружить.

— Спасибо, — сказал он одними губами.

Соня улыбнулась и показала ему новый рисунок в скетч-

буке. Там были нарисованы все они: Яра с сердитым лицом и знаком разрыва в руке, Витёк с кучей приборов и взъерошенными волосами, Марат с защитным кругом, Соня с блокнотом. И он, Казуки, с маленькой серой тучкой, которая на рисунке улыбалась.

— Это мы, — сказала Соня. — Клуб Ненормальных. Добро пожаловать.

И тут в дверь кто-то постучал.

Все замерли. Марат нахмурился и посмотрел на свой защитный узор на полу. Тот был цел, но слабо мерцал — значит, за дверью было что-то магическое.

— Кого там еще принесло? — проворчала Яра и пошла открывать.

На пороге стояла заплаканная девочка из параллельного класса. Казуки видел ее мельком — она всегда сидела одна, ни с кем не разговаривала и носила свитера с такими длинными рукавами, что они закрывали пальцы. Сейчас она дрожала всем телом, а за ее спиной, видимый только Яре, Соне и, как ни странно, самому Казуки, вился серый туман — точно такой же, как тот, что Яра разорвала утром над пустой партой.

— Помогите, — прошептала девочка. — Мне кажется, за мной кто-то ходит. Кто-то... невидимый. И он все время плачет.

Яра бросила взгляд на Казуки. Потом на его тучу. Потом на серый туман за спиной девочки.

— Ну вот, — сказала она со вздохом. — А ты говорил, первый день скучный. Добро пожаловать в Проводники, Такахаши. Похоже, у нас новое дело.

Глава 4

Смех без причины

Урок литературы в 11-Б начался как обычно. Учительница, Маргарита Павловна, сухая дама с пучком седых волос и голосом, способным усыпить даже самый бодрый класс, монотонно зачитывала отрывок из «Войны и мира». За окном моросил скучный сентябрьский дождь. Казуки сидел на своем месте, стараясь не привлекать внимания. Тучка над ним, казалось, тоже дремала — она сжалась до размеров небольшого облачка и тихо висела, изредка позевывая капельками.

Яра рассеяннo рисовала в тетради какие-то символы. На самом деле это были не просто каракули, а заготовки для оберегов, но Маргарита Павловна думала, что Ветрова просто рисует «всякие сатанинские штучки», и уже давно махнула на нее рукой. Соня, сидевшая через ряд, аккуратно записывала что-то в свой скетчбук — со стороны казалось, что она конспектирует урок, но Яра знала, что она зарисовывает духа-Обжору, который дремал на люстре. Витёк в другом конце класса пытался незаметно собрать под партой какой-то новый прибор — судя по тихому писку, у него получалось не очень. Марата на литературе не было — его класс ушел на физкультуру.

Все было тихо. Слишком тихо.

Яра почувствовала неладное за секунду до того, как это

началось. У нее зачесалось левое запястье, то самое, где под черным напульсником прятались старые шрамы. Это всегда было знаком: рядом кто-то использовал магию. Или рядом был дух. Причем не местный.

Она подняла голову и принялась. В воздухе появился странный запах. Так пахнут осенние листья вперемешку с жженым сахаром и чем-то еще... чем-то, что она не могла определить. Это был не русский дух. И не татарский. И даже не тот депрессивный божок Казуки.

Это было что-то чужое.

И тут началось.

Сначала тихо хрюкнул Коля Сидоров с задней парты. Просто хрюкнул — так, будто подавился смешком. Потом фыркнула отличница Круглова, которая вообще никогда не смеялась на уроках, потому что считала это несерьезным. Потом хихикнула Лена, тихая девочка, которая всегда сидела у окна и никого не трогала. А потом прорвало всех.

Класс взорвался хохотом.

Это был не обычный смех. Не тот, когда кто-то удачно пошутил. Это был лавинообразный, неконтролируемый, истерический гогот. Люди хватались за животы, сползали под парты, вытирали слезы и не могли остановиться. Маргарита Павловна замерла с книгой в руке, ее лицо выражало крайнюю степень недоумения.

— В чем дело? — спросила она, но ее голос потонул в новом взрыве хохота. — Прекратите немедленно! Это урок

литературы, а не... не цирк!

Но никто не мог прекратить. Коля Сидоров уже лежал на полу и дрыгал ногами, издавая звуки, похожие на брачный крик гиены. Круглова пыталась закрыть рот рукой, но смех прорывался сквозь пальцы с каким-то булькающим звуком. Даже всегда серьезный староста класса, Артем, ржал, уткнувшись лицом в учебник, и его плечи тряслись так, что парта ходила ходуном.

Яра не смеялась. Она смотрела.

И видела.

По рядам скакало существо. Оно было размером с котенка, но двигалось с грацией белки, перепрыгивая с парты на парту, с плеча на плечо. У него был пушистый рыжий мех, горящий золотым огнем, и невероятно длинный, пышный хвост, который вился за ним, как шлейф из искр. Морда у существа была лисьей — острая, хитрая, с раскосыми глазами, в которых плясали бесенята. Из его пасти свисал розовый язычок, и оно тяжело дышало, как запыхавшийся щенок.

Но самое главное — существо светилось. Оно впитывало смех, как губка. Каждый взрыв хохота в классе заставлял его шерсть вспыхивать ярче, а хвост — распушаться еще больше. Оно буквально купалось в волнах веселья, перекачивалось по ним, как по волнам, и довольно урчало.

— Кицунэ, — прошептала Яра. — Мать твою, кицунэ. Подросток.

Существо замерло на парте прямо перед ней, как будто

услышало свое имя. Их глаза встретились. Лисьи глаза — золотые, с вертикальными зрачками, полные озорства и какого-то отчаянного голода. Кицунэ склонило голову набок, совсем как настоящая лиса, и вдруг широко улыбнулось, показав мелкие острые зубки.

— Привет, ведьма, — сказало оно на чистом русском с легким, едва уловимым акцентом. — У вас тут весело. Я останусь.

И прежде чем Яра успела ответить, кицунэ спрыгнуло с парты и понеслось дальше по рядам, сея за собой волны исторического хохота.

— Стоять! — рявкнула Яра, вскакивая с места.

Маргарита Павловна вздрогнула и уставилась на нее с ужасом.

— Ветрова! Ты куда?! Сядь на место!

— Простите, Маргарита Павловна! — крикнула Яра, уже пробираясь между партами. — У меня... аллергия! На смех! Очень опасная! Мне нужно срочно в медпункт!

— Какая аллергия?! — завопила учительница, но Яра уже вылетела в коридор вслед за пушистым рыжим хвостом, который мелькнул в дверях.

Кицунэ несло по школьному коридору, как огненный болид. Его хвост оставлял за собой искрящийся след, который таял через пару секунд. Яра бежала за ним, на ходу вытаскивая из кармана маленький сверток с сушеной полынью — универсальное средство против любой нечисти. Бабушка

говорила, что полынь духи не любят, потому что она «горькая, как правда». Яра не знала, работает ли это на японских духах, но выбора не было.

— А ну стоять, лисий хвост! — орала она, заворачивая за угол. — Ты что творишь?! Ты всю школу на уши поставишь!

Кицунэ обернулось на бегу и показало ей язык. В буквальном смысле — длинный розовый язык, которым оно дразнило ее, как ребенок.

— А ты догони, ведьма! — крикнуло оно и прибавило скорости.

Они пронеслись мимо кабинета химии. Оттуда выглянул ошарашенный десятиклассник с пробиркой в руке. Увидев Яру, бегущую по коридору с пучком полыни наперевес и орущую что-то про «лисий хвост», он решил, что у него галлюцинации, и медленно закрыл дверь.

Они пронеслись мимо кабинета директора. К счастью, директор был на совещании. К несчастью, его секретарша, строгая женщина в очках, как раз выходила с пачкой документов. Увидев Яру, она выронила бумаги и замерла с открытым ртом.

— Ветрова! Ты что себе позволяешь?!

— Простите, тетя Зин! — крикнула Яра, не сбавляя скорости. — У нас... эвакуация! Учебная! Все в порядке!

Тетя Зина проводила ее взглядом и медленно перекрестилась. Она работала в этой школе тридцать лет и думала, что видела все. Но бегущая за невидимой лисой ведьма-стар-

шеклассница была чем-то новеньким.

Кицунэ свернуло к лестнице, ведущей на первый этаж, и Яра понеслась за ним, перепрыгивая через ступеньки. Внизу, у расписания, стояла та самая девочка из параллельного класса — та, что приходила в Клуб вчера. Увидев Яру, она вздрогнула и прижалась к стене. Яра на бегу заметила, что серый туман за ее спиной сгустился и принял форму какой-то фигуры, но времени останавливаться не было.

— Потом! — крикнула она девочке. — Зайди в Клуб после уроков!

И понеслась дальше.

Кицунэ выскочило в вестибюль и на полной скорости врезалось в стеклянную дверь. Раздался глухой стук, потом сдавленный писк, и существо отлетело назад, прямо в руки Яре. Она схватила его за шкурку, как котенка, и подняла на уровень глаз.

— Попалась, — выдохнула она, тяжело дыша.

Кицунэ висело в ее руке, беспомощно болтая лапами и хвостом. Его золотые глаза наполнились слезами. Оно жалобно заскулило.

— Отпусти, ведьма! — захныкало оно. — Я просто играло! Я никого не обижала! Просто смех... он такой вкусный... Я так давно не ело...

— Так давно не ело? — переспросила Яра, чувствуя, как гнев начинает сменяться чем-то похожим на жалость. — Ты откуда вообще? Как ты сюда попало?

— Я... я приехало, — кицунэ шмыгнуло носом. — С хозяином. Он ресторан открывал. Японский. А потом он уехал, а я осталось. Думало, тут весело. А тут... никто не смеется. Все серьезные. У всех лица как у рыбы. Я чуть с голоду не умерло!

Яра нахмурилась. Кицунэ питаются эмоциями. Это она знала. Но если этот мелкий лисеныш действительно остался без хозяина в чужой стране, он мог просто пытаться выжить. Неумело, по-детски, но без злого умысла.

— Ладно, — сказала она, смягчаясь. — Допустим, я тебе верю. Но сейчас ты пойдешь со мной, и мы...

Договорить она не успела.

Дверь вестибюля распахнулась, и на пороге возник завуч. Та самая Цапля. Ее глаза метали молнии. За ее спиной маячил физрук — громадный мужик с красным лицом и свистком на шее. Вид у него был такой, будто он только что пробежал кросс и теперь ищет, на ком бы сорвать злость.

— Ветрова! — голос завуча звенел, как натянутая струна. — Что здесь происходит?!

Яра замерла. В одной руке у нее был пучок полыни. В другой — невидимый для обычных людей лисенок-кицунэ, который болтал лапами и жалобно скулил. Сама Яра была взъерошена, запыхалась и, кажется, потеряла один берц где-то на лестнице.

Она выглядела как человек, которого только что выписали из психиатрической больницы.

— Э-э-э, — сказала Яра, лихорадочно соображая. — Я... это... у нас тут... флешмоб.

— Флешмоб? — завуч прищурилась. — Какой еще флешмоб?

— Эко-логи-ческий, — по слогам выговорила Яра, поднимая пучок полыни. — Мы... собираем травы. Для гербария. В рамках... эко-логи-ческого флешмоба. Очень модно сейчас. В Японии все так делают.

Завуч перевела взгляд с Яры на пустой вестибюль, потом на полынь, потом на одинокий берц, сиротливо лежащий на лестнице. Физрук за ее спиной начал багроветь.

— Ветрова, — сказала завуч ледяным голосом. — Ты бегала по школе, орала что-то про «лисий хвост», сорвала урок литературы и теперь утверждаешь, что это был флешмоб?

— Ну... — Яра нервно улыбнулась. — Не только утверждаю. Я еще и показываю. Вот, смотрите.

Она подняла повыше кицунэ. Завуч, конечно, ничего не увидела. Зато физрук вдруг чихнул — полынь попала ему в нос.

— Ветрова! — взревел он. — Ты что, наркотики в школу принесла?!

— Это полынь! — возмутилась Яра. — Она от духов! То есть... от микробов! Для иммунитета!

Завуч и физрук переглянулись. На их лицах отразилась сложная гамма чувств: от недоверия до желания немедленно вызвать санитаров.

— Так, — сказала завуч. — Ты идешь к директору. Прямо сейчас. А трава... это... конфискуется.

— Но это же полынь! — взывала Яра.

— Мне все равно, хоть укроп! — отрезала завуч.

И тут случилось неожиданное. Кицунэ, которое все это время висело в руке Яры, вдруг извернулось, вырвалось и прыгнуло прямо на физрука. Тот, разумеется, ничего не почувствовал — для него это был просто порыв ветра. Но кицунэ, проскочив сквозь его ауру, жадно втянуло в себя его гнев. Физрук, который уже набрал воздух для новой тирады, вдруг замер, глупо улыбнулся и сказал:

— А знаете, Елена Викторовна... Может, правда, флеш-моб? Дети сейчас креативные. Вон, в Тик-Токе чего только не увидишь.

Завуч уставилась на него с ужасом. Физрук, который никогда в жизни не улыбался, стоял и блаженно лыбился, как будто ему только что дали премию.

— Вы... вы себя нормально чувствуете, Иван Петрович? — осторожно спросила завуч.

— Замечательно! — ответил физрук. — Никаких забот!

Завуч попятилась. Яра воспользовалась моментом, схватила кицунэ (которое облизывалось, как объевшийся кот) и попятилась к лестнице.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала она быстро. — У меня еще... уроки. И гербарий. Извините, Елена Викторовна!

И она рванула вверх по лестнице, прижимая к груди ли-

сенка, который тихо икал — он переел гнева и теперь мучился несварением.

— Стой! — донеслось снизу. — Ветрова! Вернись!

Но Яра уже скрылась за поворотом.

Через пять минут она ввалилась в Клуб аномальной истории. Витёк, Соня и Марат были уже там — они, видимо, как-то пронюхали о происшествии и эвакуировались с уроков раньше. Казуки сидел в углу и нервно теребил край своего свитера. Его тучка при виде Яры радостно плеснула дождем.

— Ты жива! — воскликнул Витёк. — А мы думали, тебя уже к директору повели!

— Почти повели, — Яра бросила кицунэ на диван. Существо приземлилось на подушку в виде Пикачу и тут же свернулось калачиком, поджав хвост. — Вот, знакомьтесь. Наш новый... постоялец.

Все уставились на лисенка. Кицунэ виновато посмотрело на них золотыми глазами, потом громко икнуло, и из его пасти вырвалось облачко гнева — маленькое, красное, похожее на перец чили. Облачко подлетело к потолку и растаяло.

— Это кицунэ? — прошептал Казуки. — Настоящее?

— Ага, — кивнула Яра. — Подросток. Беспризорник. Питается эмоциями. Устроило в классе истерику, потому что голодное.

Соня уже сидела рядом с лисенком и гладила его по голове. Кицунэ заурчало, как маленький моторчик, и прижалось

к ее ладони.

— Оно такое грустное, — сказала Соня тихо. — Потерялось. Хозяин бросил. Оно просто хотело, чтобы кто-то смеялся.

— Ну, теперь у нас есть специалист по ёкаям, — Яра кивнула на Казуки. — Такахаша, ты у нас японец. Что делать с бездомной лисой-эмоционалом?

Казуки растерянно посмотрел на кицунэ. Тучка над ним тоже посмотрела — она вытянулась в сторону лисенка и выпустила маленькую радугу. Кицунэ увидело радугу, пискнуло от восторга и попыталось ее поймать лапой.

— Ну, — сказал Казуки, поправляя очки, — в японском фольклоре кицунэ — это посланники богини Инари. Они могут быть и добрыми, и злыми. Подростки обычно... шалят. Но если его приютить и кормить, он станет защитником дома.

— Защитник дома, — фыркнула Яра. — Класс. У нас теперь в школе будет жить лиса-эмоциональный террорист. Родители будут в восторге.

— А еще, — добавил Казуки, — кицунэ умеют превращаться в людей. Когда подрастут.

В комнате повисла тишина. Все посмотрели на лисенка, который в этот момент пытался откусить хвост у подушки-Пикачу.

— В людей? — переспросил Витёк. — Типа... в настоящих?

— Ну да. В красивых людей. Обычно в женщин. Они соблазняют мужчин и...

— Стоп! — Яра подняла руку. — Давайте пока без соблазнения. У нас тут школа, а не брачное агентство для духов. Пусть сначала подрастет. И научится не вызывать массовую истерику на уроках.

Кицунэ, как будто поняв, о чем речь, виновато опустило уши и лизнуло Яре руку. Яра дернулась, но потом вздохнула и почесала его за ухом.

— Ладно, — сказала она. — Будем решать проблемы по мере поступления. Сейчас у нас есть проблема поважнее. Я видела ту девочку из параллельного. Туман за ней сгустился. И он принял форму.

— Форму? — Соня подняла голову. — Какую?

— Не знаю, — Яра нахмурилась. — Но мне это не понравилось. Очень не понравилось. Так что, Клуб Ненормальных, — она обвела взглядом команду, — у нас новый квест. И, кажется, он серьезнее, чем бездомная лиса.

Тучка над Казуки тревожно заворчала громом. Кицунэ перестало играть с подушкой и насторожило уши. Даже Витёк отложил свой прибор и стал серьезным.

— Что за девочка? — спросил Марат.

— Та, что приходила вчера. Говорила, за ней кто-то ходит. Невидимый. И все время плачет.

— Плачет? — переспросил Казуки. — Как... как моя туча?

Яра посмотрела на него долгим взглядом.

— Хуже, — сказала она наконец. — Намного хуже. Потому что твоя туча — это божество. А то, что ходит за ней... это что-то другое. Что-то, чего я раньше не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.